

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ ТРЕТЬЕЙ ГОДОВЩИНЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

19—23 июня 1953 г. состоялось открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное третьей годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. На заседании присутствовали языковеды Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и других городов.

Открывая заседание, акад. В. В. Виноградов сказал, что постановкой ряда докладов, посвященных важнейшим вопросам науки о языке, советские языковеды отмечают третий год своей работы в том направлении, которое указало трудами И. В. Сталина по языкознанию, и призвал всех присутствующих к активному участию в обсуждении докладов.

На заседании было заслушано семь докладов, посвященных вопросам лексикологии, семасиологии и лексикографии, обоснованию основных понятий стилистики как языковедческой дисциплины, теории грамматики и вопросам исторического и сравнительно-исторического изучения грамматического строя языков, вопросам фонетики в связи с процессом образования одного из восточнославянских языков.

Заместитель директора Института языкознания АН СССР Б. А. Серебряниников прочитал доклад «Задачи изучения основного словарного фонда языка», подготовленный им совместно со ст. научн. сотр. института М. С. Гурьчевой. С большим докладом «Основные типы лексических значений слова» выступил акад. В. В. Виноградов. Оба эти доклада, вызвавшие живой обмен мнений, публикуются в журнале «Вопросы языкознания».

Доклад канд. филол. наук Ю. С. Сорокина «Об основных понятиях стилистики» содержал попытку внести ясность в понятие «стиль языка» в применении к современному русскому литературному языку. Остановившись на истории разработки центральных вопросов и понятий стилистики как особой языковедческой дисциплины за последние три десятилетия и отметив заслуги в этой области акад. М. В. Щербы и акад. В. В. Виноградова, докладчик указал на те конкретные затруднения, с которыми столкнулись исследователи, ставившие своей задачей охарактеризовать систему стилей современного русского языка и раскрыть понятие стиля языка. Причины неудовлетворительного положения с основными исходными понятиями стилистики Ю. С. Сорокин видит, в частности, в том, что вопрос о стиле языка часто ставится не исторически, абстрактно, а авторы ряда работ по стилистике недостаточно критически относятся к некоторым положениям, содержащимся в стилистических исследованиях 30—40-х годов.

Докладчик подверг критике упрощенные, по его мнению, представления о стиле языка как о жанровой разновидности литературного языка и высказался против «прикрепления» стилей языка к определенным жанрам литературы. С этой точки зрения он критиковал брошюру А. И. Ефимова «Об изучении языка художественных произведений» (М., 1952), статью Э. Г. Ризель «Проблема стиля в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» (журн. «Иностранные языки в школе», 1952, № 2) и особенно книгу А. Н. Гвоздева «Очерки по стилистике русского языка» (М., 1952), а также работы В. Д. Левина (см., например, его статью в журн. «Октябрь», 1952, № 11). До сих пор, сказал Ю. С. Сорокин, никому еще не удалось показать, что с каждым из выдвигаемых в этих работах стилей связаны специфические элементы языка, особые пласты его словаря и фразеологии, особые грамматические формы и конструкции, невозможные в других стилях. Попытки представить литературно-художественный, публицистический, научный и другие стили как особые разновидности языка не дали результатов, по мнению докладчика, потому, что в развитом национальном языке, каким является, например, современный русский литературный язык, не существует замкнутых жанроворечевых разновидностей, поскольку в любой сфере общественной деятельности, в любом жанре литературы мы практически выбираем те или иные средства общенародного языка, исходя не из отвлеченных требований жанра, а из конкретного содер-

жания и назначения речи. Поэтому, считает Ю. С. Сорокин, правильнее было бы говорить не о разных стилях языка, а о различных принципах выбора и объединения речевых средств в литературно-художественных, публицистических, научных и т. п. произведениях данной эпохи. Свою мысль докладчик иллюстрировал разбором отрывков из «Рефлексов головного мозга» И. М. Сеченова и из произведений Н. Г. Чернышевского.

Таким образом, по мнению Ю. С. Сорокина, в языке мы имеем лишь определенные стилистические возможности, которые могут быть очень различно реализованы в той или иной разновидности речи. Слова основного словарного фонда, а также термины нейтральны по своей природе, безразличны к стилю речи, хотя люди не безразличны к ним и могут избегать их, используя синонимические замены. Но в языке также имеется — и довольно широкий — круг таких слов, форм и конструкций, которые обладают определенной стилистической тональностью и сфера употребления которых ограничена. Сюда относятся так называемые просторечья (*лебезить, лафа, малость* — в значении наречия — и т. п.), областные (*баять, выбка, не змай* и др.) и устарелые (*очи, сей* и т. п.) слова и формы. Полная и конкретная стилистическая характеристика слова может быть дана только в контексте речи на основе учета всех значений слова, в результате анализа его отношений с другими словами.

Докладчик высказался против распространенного разделения стилистики на лингвистическую (лингвостилистику) и литературоведческую и, со своей стороны, предложил различать стилистику аналитическую, задача которой — изучение стилистической тональности отдельных элементов языка, изучение синонимической системы языка, и стилистику функциональную, которая имеет дело со всем конкретным многообразием стилей речи, изучая принципы отбора, выбора и объединения слов в контексте речи.

Действ. член АН Грузинской ССР А. С. Чикобава выступил с докладом «О невозможности универсальной грамматики и универсальных грамматических понятий». Указав на важность грамматики в системе науки о языке, поскольку грамматический строй составляет одну из основ языка, и отметив, что в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания была дана суровая отповедь нигилизму Н. Я. Марра, объявлявшего грамматику «пустой формальностью», докладчик подчеркнул, что исключительное значение исследований в области грамматики подтверждается историей науки: историко-сравнительное изучение языков стало возможным лишь в результате сравнения фактов грамматического строя. Однако при изучении грамматического строя возможны две принципиально различные точки зрения. Одна, оставляя в стороне своеобразие грамматического строя различных языков, направлена на выделение того, что есть в них общего, и строит грамматические понятия на основании моментов логического и семантического порядка. Следствием такого подхода оказывается универсальная грамматика с универсальными понятиями. Другая точка зрения, которая находит поддержку в сталинской характеристике грамматики, стремится вскрыть специфику грамматического строя конкретного языка. Это — точка зрения научной грамматики, вырабатывающей грамматические понятия на основании структурно-грамматических моментов.

Нельзя считать, сказал докладчик, что установки универсальной грамматики уже изжиты. Они не только находят широкий отклик в современной идеалистической философии языка, но и обнаруживаются в конкретных грамматических исследованиях отдельных языков нашей страны, в научных грамматиках, в той или иной мере унаследовавших от традиционной грамматики присущий ей универсализм.

Подробно проанализировав систему грамматических понятий, разработанную так называемой филологической грамматикой на материале древнегреческого и латинского языков (грамматики Варрона и Дионисия Фракийца), А. С. Чикобава констатировал, что в определении основных грамматических понятий указанные грамматики стремились сочетать структурно-грамматические и лексико-семантические моменты. Универсальными эти понятия становятся лишь в системе рациональной грамматики, первым образцом которой явилась «Общая и рациональная грамматика» Пор-Рояля (1660 г.). В первой половине XIX в. процесс универсализации основных грамматических понятий, например в работах Беккера, распространился и на синтаксис.

На конкретных фактах грамматического строя грузинского, абхазского, аварского и других языков докладчик показал, к каким последствиям приводит практическое применение установок универсальной грамматики. Так, в грузинском языке никогда не было категории грамматического рода, однако грузинские грамматики, начиная с первой пространной грамматики Антония (1753 г.), по соображениям лексико-семантического порядка, в течение целого столетия упорно говорили о четырех родах — мужском, женском, среднем и общем. Точно так же чуждый морфологической системе грузинского языка винительный падеж неизменно фигурировал в грузинских грамматиках вплоть до 80-х годов XIX в. В грузинском языке по лицам субъекта спрягаются лишь непереходные глаголы (не все), переходные же изменяются одновременно и по лицам субъекта, и по лицам объекта. Но школьные грамматики,

ориентируясь на спряжение латинского глагола, не учитывали этой особенности грузинского (так называемого полиперсонального) спряжения, и лишь за последние тридцать лет школьное преподавание порвало с универсализмом в этой области.

Если морфология грузинского языка освободилась от сковывающего влияния традиции, то над синтаксической мыслью до сих пор тяготеют универсальные понятия традиционной грамматики. Хотя генетически, сказал докладчик, синтаксис породил морфологию, но в плане систематического анализа морфология определяет лицо синтаксиса. В связи с отсутствием в грузинском языке винительного падежа нельзя говорить, по мнению А. С. Чикобава, в обычном смысле о «прямом дополнении» в синтаксисе грузинского языка. В картвельских, абхазско-адыгейских, баббийском, в различных дагестанских языках с полиперсональным спряжением реальный объект синтаксически так же значим, как и реальный субъект: и тот и другой управляют глаголом-сказуемым. Еще более своеобразным оказывается положение «прямого дополнения» в аварском языке с его одноклассным спряжением — субъектным или объектным. В последнем случае реальный объект («прямое дополнение») становится главным членом предложения, реальный субъект («подлежащее») — зависимым, второстепенным. Таким образом, заключил докладчик, в языках с объектным спряжением глаголов синтаксис нельзя описать, пользуясь понятиями, перенесенными из языков с субъектным спряжением.

А. С. Чикобава поставил также вопрос о том, на основании каких моментов — морфологического, синтаксического, лексико-семантического или их совокупности — следует выделять части речи в описательной грамматике языка, впервые привлекаемого к грамматическому исследованию, и высказал мнение, что определяющая роль здесь принадлежит морфологическим признакам.

Доклад члена-корр. АН СССР и действ. члена АН Грузинской ССР Г. В. Церетели «К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской семье языков» был посвящен рассмотрению важной проблемы установления родственных связей урартского языка — одного из древних языков Передней Азии.

В первые же годы работы по расшифровке урартских надписей наука отрицательно решила вопрос о генетических связях урартского языка с индоевропейскими и семитическими, но возникший в тот же период вопрос о родстве урартского языка с картвельскими мог быть поставлен на твердую научную почву лишь после изучения ряда структурных особенностей картвельских языков. В настоящее время перед исследователями стоит задача выяснения грамматических функций глагольных и именных аффиксов урартского языка.

Г. В. Церетели считает, что обнаруживаемые в урартском языке аффиксы *di*, *bi*, *ni*, *(a)li*, *(i)iu*, *s(še)* не следует рассматривать генетически как личное окончание глагола, и предполагает, что первоначально эти аффиксы (во всяком случае — большая часть их) служили для выражения грамматических классов в имени и глаголе, и лишь впоследствии они стали использоваться для обозначения падежей в именах и лиц в глаголах. Те же самые элементы используются в урартском языке как словообразующие аффиксы. Установление грамматической функции указанных аффиксов, а также тот факт, что фонетически и функционально они совпадают с соответствующими аффиксами иберийско-кавказских языков, по мнению докладчика, позволяет предполагать, что урартский язык находится в таком же отношении к картвельским языкам, как и другие группы иберийско-кавказских языков. Конечно, было бы преждевременным, сказал Г. В. Церетели, считать окончательно разрешенной проблему установления родства урартского языка с иберийско-кавказскими: наука еще не располагает убедительными соответствиями в области лексики, не установлены пока с полной четкостью и фонетические соответствия, однако, что касается лексики, то положение здесь примерно такое же, как с неситским языком, который, несмотря на отсутствие достаточных показаний словаря, признается тем не менее индоевропейским.

С докладом «К вопросу о грамматическом значении» на заседании выступил ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР М. И. Стеблин-Каменский.

Для последовательного разграничения лексики и грамматики, сказал докладчик, необходимо выяснить, в чем заключаются общие и существенные признаки грамматического значения, в чем его специфика. Содержание грамматических значений очень разнообразно, и оно вовсе не обязательно сводится к тому или иному отношению (например, значения вида и числа). Не менее разнообразны и внешние выражители грамматического значения. Ими могут быть форма самого слова, словесное ударение, синтаксические связи слова (ср. англ. *round* в значении прилагательного, существительного, наречия, предлога и глагола), порядок слов, форма словосочетания, наконец, — отдельное слово, например артикль. Насколько трудно определить, является ли данное значение грамматическим или лексическим, видно из тех споров, которые ведутся, в частности, по вопросу о значениях предлогов.

По мнению докладчика, для определения специфики грамматического значения ничего не дают имеющиеся различия в выражении и содержании лексических и грамматических значений, так как последние могут выражаться и отдельным словом, а их

содержание может быть даже менее общим, чем содержание лексического значения (например, слово *время* и *время* глагола), причем в ряде случаев их содержание может совпадать (например, слово *множественность* и грамматическое значение множественного числа).

Для определения специфики грамматического значения, сказал М. И. Стеблин-Каменский, необходимо учитывать его функции в процессе речи. Правда, характер связи лексического значения с грамматическим не позволяет четко разграничить их, так как, хотя, например, во всяком знаменательном слове лексическое значение является специфичным для него, а грамматическое — общим с другими словами, тем не менее и лексическое значение может оказаться общим для неопределенно большого количества сочетаний (*большой стол*, *большая книга* и т. п.). Поэтому наиболее существенным критерием разграничения, по мнению докладчика, является то, что лексические значения образуют основной материал нашей мысли, оказываясь в этом смысле «вещественными», «предметными», а грамматические — придают нашей мысли стройность, оформленность, но сами они являются не предметом нашей мысли, которая никогда не сосредоточивается на них, а лишь формой по отношению к содержанию нашего мышления. Поэтому основным признаком грамматического значения можно считать его «несамостоятельность», которая ярко обнаруживается, например, у служебных слов, неспособных быть предметом высказывания и членом предложения.

Докладчик высказал также соображения о специфике грамматического значения в его отношении к действительности. Имея своим содержанием понятие, всякое значение (кроме значений большинства собственных имен и междометий) всегда представляет обобщение действительности. Но лексическое значение может быть соотносено в речи как сразу со всеми предметами, общие и существенные признаки которых оно отражает (или, что то же самое, не быть соотносено ни с одним из них), например: *дом — это жилое строение* или слово *дом* вне контекста, так и с одним конкретным предметом, например: *этот дом велик*; *стол, за которым я сижу, сломался*. Грамматическое же значение всегда соотносено в нашей речи только с одним из «отдельных», которые оно обобщает. Так, грамматическое значение множественности всегда будет соотносено в речи с отдельным случаем множественности (*дома*, *стола*, *книги*), определяемым тем лексическим значением, которому данно грамматическое значение сопутствует. Именно поэтому, считает М. И. Стеблин-Каменский, хотя понятие принадлежности является содержанием значения родительного падежа и в английском, и в немецком, и в шведском, и в русском, и во многих других языках, значение родительного падежа в этих языках не будет тождественным, так как одно и то же понятие принадлежности ограничено в них разным лексическим материалом. Грамматическое значение, например значение падежа, нельзя отрывать от лексического материала, в котором оно реализуется. С точки зрения отношения к действительности, по мнению докладчика, следовало бы особо выделить местоименные значения, которые, подобно грамматическим, не могут быть употреблены в качестве родовых, т. е. соотноситься сразу со всеми «отдельными», которые они обобщают.

Доклад члена-корр. АН СССР и действ. члена АН УССР Л. А. Булаховского о «Вопросы украинской исторической фонетики и проблема происхождения украинского языка» прочитал доктор филол. наук И. К. Белодед.

В докладе рассматриваются следующие три важных вопроса исторической фонетики украинского языка: 1) вопрос об условных рефлексии в живом украинском языке древнейшего славянского *e* в новых закрытых слогах и об его отношении к так называемому новому *ѣ*, выступающему в южных древнерусских памятниках; 2) вопрос об украинской рефлексии *o* и *e* второй части полногласных сочетаний в новых закрытых слогах; 3) вопрос об украинских отражениях древнейшего славянского *ь* в новых закрытых слогах.

Рассмотрение первого из указанных вопросов, имеющего большое значение для установления времени появления наиболее специфической черты украинского вокализма, приводит Л. А. Булаховского к выводу, что большинство украинских говоров и украинский литературный язык сохранили следы старой фонетической дифференциации рефлексов *e* в закрытом положении (перед бывшим *ь* и бывшим *ѣ*), т. е. что употребление нового *ѣ* в южнорусских памятниках второй половины XII в. близко соответствует показаниям современного украинского языка.

Рефлексы **tort*, **tolt* на украинской почве, как правило, не подчиняются в своем втором о действию закона, характерного для обычного (древнейшего славянского) *o* (укр. *порох*, *голод* вместо *porox*, *golici*). В докладе приводятся аргументы в пользу той точки зрения, что указанные факты — фонетического, а не аналогического происхождения, вопреки распространяемым мнениям (А. И. Соболевский, Н. Н. Дурново). Переход второго *o* или *e* в полногласных группах в *i* закономерно наблюдается только в тех случаях, где в древнейшем славянском языке была новоакутовая интонация. Нет сомнения в том, указывается в докладе, что некоторые фонетические черты в говорах — предках украинского языка — явления уже древнерусской эпохи и свое выражение в ней получили на фоне и в связи с еще живой системой акцентных отношений древнейшего славянского языка.

Анализируя судьбу древнейшего славянского *ь* в украинском языке, Л. А. Булаховский обращает внимание на случаи его рефлексации в виде *'о* в таких словах и формах, как *льон, слъозѣ, слъози, кльон*, и указывает, что это явление, видимо, не было ограничено одним только былым сочетанием *ль*- (ср. *пеньок, підкідьок* и др.). В докладе подчеркивается важность лингвогеографического обследования отмеченных фактов рефлексации древнейшего *ь* для правильного понимания истории украинско-белорусских языковых отношений, отношений говоров, из которых с течением времени образовались украинский и белорусский языки.

Доклады вызвали оживленные прения.

Все выступавшие по докладу М. С. Гурычевой и Б. А. Серебренникова признавали, что нет необходимости со статистической точностью определять, сколько слов входит в основной словарный фонд того или иного языка. Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР С. И. О ж е г о в, согласившись с основными критериями для установления основного словарного фонда, выделенными в докладе, критиковал докладчиков за то, что их обобщения не были результатом исследования конкретного исторического развития отдельных языков. На это же обратил внимание доктор филол. наук В. П. С у х о т и н, который, отметив, что в докладе не была поставлена проблема метода изучения слов основного словарного фонда, высказался за обращение к исследованиям употребляемости различных категорий слов в конкретных языках. По его мнению, одним из важных признаков слов основного словарного фонда является их многозначность. А. С. Ч и к о б а в а указал на то, что проблема выделения основного словарного фонда должна ставиться по-разному в применении к бесписьменным, младописьменным и старописьменным языкам и что выводы доклада справедливы лишь в отношении последних. Что же касается младописьменных и бесписьменных языков, то здесь выделению основного словарного фонда существенную помощь может оказать только сравнительно-исторический метод. Призывая к отказу от поисков общих критериев и к изучению конкретных изменений в истории различных лексических групп, канд. филол. наук Б. В. Г о р н у н г утверждал, что приведенным в докладе примерам многовековой устойчивости слов основного словарного фонда можно было бы противопоставить не меньший по объему список расхождений между родственными языками, хотя бы в области названий частей тела.

В заключительном слове Б. А. С е р е б р е н н и к о в возражал Б. В. Горнунгу, настаивая на том, что рассмотренные в докладе группы слов в целом проявляют тенденцию к исторической сохранности; он отметил также, что привлечение фактов из большого числа языков оправдывалось в докладе необходимостью показать, что выдвигаемые положения распространяются на все языки мира.

В обсуждении доклада В. В. Виноградова приняли участие С. И. Ожегов, А. П. Евгельса, С. Е. Крючков, Н. И. Фельдман, И. К. Белодед, Н. А. Сыромятников и др., указавшие на большое значение доклада для теории и практики лексикографии.

С. И. О ж е г о в отметил, что развитие значений у некоторых слов (например, *дуть* и *жарить* в значении «действовать быстро») может происходить не под влиянием их основной семантики, а в связи с характерной выразительностью этих слов в определенных сочетаниях. Он остановился далее на трудностях, возникающих перед лексикографом при практическом определении различий между свободными и связанными значениями слова, между значением, оттенком значения и употреблением слова. Об этом же говорил ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР С. Е. К р ю ч к о в, указавший также на нарушение логического правила о едином основании деления в принятых в словарях стилистических пометах: *просторечное, областное, грубое, новое* обычно ставятся в один ряд.

Доктор филол. наук А. П. Е в г е л ь с а остановилась на вопросе о русской лексикографической традиции в построении словарной статьи, в частности, на определении внутри статьи места несвободных, связанных значений слова. В этой связи она обратила внимание на необходимость разработки более четких критериев распределения различных несвободных значений слова с тем, чтобы лексикограф мог с уверенностью решать, где поместить то или иное связанное значение — во фразеологии или в структуре самого слова.

Отметив, что доклад В. В. Виноградова поднимает очень важные проблемы, канд. филол. наук Н. И. Ф е л ь д м а н высказала ряд соображений относительно типов лексических значений, выделяемых в докладе, в частности по поводу значений таких слов, как, например, *выскачка, подлиза*, представляющих собой образно-типическое обобщение, но синтаксически свободных. Доктор филол. наук И. К. Б е л о д е д говорил о том, что сравнительное исследование свободных и связанных значений слова способствует более глубокому пониманию национальной специфики таких близкородственных языков, как, например, русский и украинский, а также усовершенствованию структуры словарных статей в русско-украинских и украинско-русских словарях. Научн. сотр. Института востоковедения АН СССР Н. А. С ы р о м я т н и к о в сказал, что было бы целесообразно в двуязычных словарях сна-

чала указывать общее значение слова, а затем уже дифференцировать его; это помогло бы читателю уяснить внутреннюю связь всех значений слова.

В заключительном слове акад. В. В. Виноградов сообщил, что он готовит монографию, посвященную вопросу об омонимах, окончание которой запланировано на 1955 г., и кратко изложил ее план. Проблема разграничения омонимов, сказал В. В. Виноградов, определяется не этимологическими моментами, а теми внутренними закономерностями, которые устанавливаются между элементами лексической системы на данном этапе развития языка, хотя при этом необходимо учитывать, что язык является продуктом ряда эпох. Разъясняя отдельные детали доклада, В. В. Виноградов указал, в частности, на то, что в некоторых случаях управление входит в семантическую структуру, в значение слова (например, *собираться с мыслями*, чувствами, деньгами), а также на то, что в лексической системе языка имеются такие слова, значение которых определяется не только их предметно-смысловым содержанием, но и спецификой их употребления в предложении.

Оживленные прения, развернувшиеся вокруг положений доклада Ю. С. Сорокина, свидетельствовали о большом интересе советских языковедов к проблемам стилистики.

Ряд замечаний по докладу высказал В. П. Сухотин. Он считает, что утверждение докладчика о стилистической нейтральности большинства слов, форм и выражений является данью несостоятельной традиции. Неясно, как рассматривает докладчик соотношение стилистики устной и письменной речи: совпадают они или нет? По мнению В. П. Сухотина, стилистика как наука должна быть тесно связана с основными задачами литературоведения.

Ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР И. С. Ильинская, оценив доклад как интересный и содержательный, тем не менее отметила, что вызывает сомнение положение докладчика об отсутствии определенных специфических элементов, характеризующих функциональные речевые стили. По ее мнению, в языке существует большое количество синонимических рядов слов и форм, которые относятся говорящим к различным сферам стилистической системы языка (например: *мыть и мойка; застить и заслонять, загораживать свет; ибо, потому что и так как; смеюсь и смеюся; страдает и страждет*).

Согласившись с необходимостью уточнить стилистическую терминологию, И. К. Белодед заметил, что предлагаемые в докладе определения основных стилистических понятий представляются менее четкими и ясными, чем те, которые уже приобрели права гражданства. Когда мы говорим о стиле, то имеем в виду всю языковую синонимiku, докладчик же ограничился одной только областью лексики. По мнению И. К. Белодеда, разделение стилистики на аналитическую и функциональную является искусственным, так как одна без другой существовать не может.

В докладе много верных мыслей, сказала ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР Н. Ю. Шведова, например, положение о том, что разделение стилистики на лингвистическую и литературоведческую по существу не обосновано; верно также, что в современном русском языке нет таких резких различий между стилями, как это было до Пушкина; прав докладчик и утверждая, что нельзя ставить знак равенства между стилем языка и жанром произведения. Присоединившись к критическим замечаниям других выступающих, Н. Ю. Шведова привела конкретные примеры стилистически ограниченных конструкций (*работа не клеится; возьму и пойду; поговорят, поговорят и перестанут* и др.) и заметила, что по существу, говоря об аналитической стилистике, Ю. С. Сорокин имеет в виду как раз то, что в других работах называется стилями языка, которые, по мнению Н. Ю. Шведовой, никто не считает замкнутыми.

Ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР В. Н. Ярцева отметила, что за последнее время в различных диссертациях действительно много внимания уделяется тем самым замкнутым стилям, существование которых отрицает докладчик. Но некоторые положения доклада, например преувеличенное внимание к синонимике и понимание «нейтральности», могут привести к той же опасности создания замкнутых стилей. В. Н. Ярцева указала на то, что термины «экспрессивный» и «экспрессивность» употребляются в докладе в различном смысле.

По мнению мл. науч. сотр. Института языкознания АН СССР В. Д. Левина, реально существующую замкнутость стилей языка следует понимать так, что определенные лексические и грамматические формы для данного стиля не характерны, а реальное существование, например, научного стиля определяется тем фактом, что в произведениях этого вида речевой деятельности за вычетом всех индивидуальных особенностей манеры данного автора, в частности Сеченова, остается то общее, что характеризует научный стиль. Это применимо и для определения, например, стиля оды в XVIII в. — путем отвлечения от индивидуальных особенностей стиля Ломоносова, Петрова и др., но не для определения стиля современной художественной литературы, лишеного замкнутости: в языке нет ничего такого, что не могло бы быть употреблено в художественной литературе. В. Д. Левин присоединился к критике положения о разделении стилистики на аналитическую и функциональную.

В заключительном слове Ю. С. Сорокин признал, что доклад содержит отдельные противоречия и недоработки, но, отметив, что среди его оппонентов нет единства в понимании стиля языка, решительно не согласился с точкой зрения В. Д. Левина по этому вопросу. Отвечая В. П. Сухотину, Ю. С. Сорокин разъяснил, что под нейтральностью таких слов основного словарного фонда, как *вода* и *камень*, он понимает отсутствие у них (в основных значениях) указания на то, какую стилистическую тональность они приобретут в окружении других слов в контексте.

Перед началом обсуждения докладов А. С. Чикобава и Г. В. Церетели ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР Е. А. Бокарев зачитал «Замечания по тезисам доклада Г. В. Церетели», присланные директором Института языка АН Армянской ССР проф. Г. А. Капанцяном.

Г. А. Капанцян оспаривает доказательность выводов докладчика о родственных связях урартского языка с картвельскими, полагая, что материал, использованный докладчиком, не позволяет сделать такие выводы. В «Замечаниях» содержится критика положения докладчика о том, что некоторые аффиксы урартского языка являются одновременно формативами спряжения, склонения и словообразования, приводятся отдельные факты в пользу близости грамматического строя урартского языка к армянскому и указывается на то, что в докладе игнорируются, по мнению Г. А. Капанцяна, заслуживающие внимания попытки Н. Я. Марра обнаружить сходство грузинского языка с семитическими. Г. А. Капанцян отмечает также, что докладчик не привел соответствий в лексике грузинского и урартского языков. Полагая, что термины «иберио-кавказский» и «хетто-иберский» пока не могут быть оправданы, он обвиняет доклад в умозрительности и следовании марровским положениям.

Выступая по докладу Г. В. Церетели, акад. И. И. Мещанинов о согласился лишь с некоторыми отдельными замечаниями Г. А. Капанцяна, но не с его общими выводами, так как, по мнению И. И. Мещанинова, постановка вопроса о родственных связях урартского языка актуальна и необходима, а его сопоставление с иберийско-кавказскими вполне оправдано.

В заключительном слове Г. В. Церетели указал на то, что он в своем докладе анализировал материал урартского языка, совершенно отвлекаясь от фактов кавказских и других языков, и лишь выводы, добытые таким путем, иллюстрировал иноязычными параллелями. Именно таким подходом объясняется отсутствие в докладе лексических сопоставлений: надежным материалом такого рода мы не располагаем. Возражая Г. А. Капанцяну, Г. В. Церетели подчеркнул, что доклад построен не на «частном, выхваченном наблюдении одного порядка», а на анализе грамматического строя урартского языка в целом. Заявив, что в теории Н. Я. Марра о родстве грузинского языка с семитическими явственно обнаруживаются элементы его «нового учения» о языке, Г. В. Церетели отверг и другие обвинения Г. А. Капанцяна, приведя, в частности, аргументы в защиту термина «иберию-кавказские языки», обозначающего, как он сказал, группу языков Кавказа, объединяемых отсутствием родства с другими кавказскими языками (армянским, осетинским, азербайджанским и т. д.).

Большинство выступавших по докладу А. С. Чикобава отмечали, что борьба с попытками строить грамматику одного языка не на основе изучения специфических особенностей его грамматического строя, а по шаблону грамматических описаний других языков является актуальной и необходимой.

Е. А. Бокарев привел конкретные примеры таких априорных схем из описательных грамматик дагестанских языков. Он отметил, что факт исключительной многопадежности дагестанских языков у многих вызывает сомнение только потому, что ничего подобного мы не встречаем в языках индоевропейских. Показательна и точка зрения Услара на эргативную конструкцию предложения, как на пассивную, исключительно на основании аналогии с индоевропейскими языками. Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР П. Я. Скорок указал, что «универсализм» широко практикуется и при описании грамматического строя языков народов Севера. Так, в эвенкийском языке по аналогии с русским некоторые исследователи «обнаруживают» согласование прилагательных с существительными. Кое-кто пытался даже такое специфическое явление палеосаянских языков, как инкорпорация, подогнать под традиционные грамматические схемы. Проф. Г. Д. Санжеев отметил, что подобного рода факты можно обнаружить и в практике изучения алтайских языков. Канд. филол. наук А. С. Мельничук говорил о том, что в работах по русскому языку главный член односоставного предложения по традиции называют подлежащим или сказуемым, забывая о соотносительности этих понятий. Исходя из этой точки зрения, он предложил не называть сказуемым глагольный член эргативной конструкции.

В то же время выступавшие в прениях указывали, что нельзя отрицать существование в различных языках общих грамматических явлений. А. С. Мельничук отметил, что именно наличие общего в грамматическом строе различных языков является базой общей теории грамматики. И. И. Мещанинов, Е. А. Бокарев и другие товарищи оспаривали тезис докладчика об отсутствии в иберийско-кавказских языках категории прямого дополнения. Критику вызвало также положение докладчика о том, что осо-

бенности морфологии определяют особенности синтаксического строя. Б. А. Серебренников сказал, что «универсальная» номенклатура нашей грамматической терминологии возникла не случайно и опирается она на совершенно реальные факты поведения слова в предложениях в различных языках, хотя несомненно, что в применении к отдельным языкам эта номенклатура нуждается в определенных коррективах. С этой точки зрения он критиковал заглавие доклада А. С. Чикобава.

Ряд критических замечаний по докладу сделал М. К. Петров, возражавший против противопоставления в докладе описательной грамматики — универсальной, которая, по его мнению, должна описывать то общее, что имеется в строе разных языков. Он присоединился к мнению о том, что заглавие доклада неудачно, поскольку речь в нем идет главным образом об учете специфики языка при построении его описательной грамматики, и, отметив, что специфика отдельных языков не исключает наличия у них общего, критиковал понимание А. С. Чикобава процесса обобщения и системы языка. Доц. И. Д. Дмитриев-Кельда оспаривал тезис докладчика о невозможности универсальных грамматических понятий с той точки зрения, что «грамматическое понятие является социальной сущностью языкового явления».

В заключительном слове А. С. Чикобава возражал тем своим оппонентам, которые отстаивали существование общих грамматических понятий, и настаивал на том, что признание их существования с логической необходимостью приведет к идее универсальной грамматики. Аргументы же сторонников этой последней, заявил он по поводу выступления М. К. Петрова, напоминают аргументы ярых идеалистов, проповедующих за рубежом универсальную грамматику. Подчеркнув, что логико-семантическое единообразие различных языков ни в какой мере не создает единообразия грамматического, А. С. Чикобава отметил, что изучение смысловых категорий не может заменить такого изучения строя предложения и строя слова, которое должно обнаружить их специфические закономерности, и защищал свой тезис об определяющей роли морфологии в отношении синтаксических особенностей. Приведя дополнительные примеры универсализма в подходе к специфическим фактам грамматического строя, А. С. Чикобава в заключение указал на необходимость ликвидировать противопоставление школьной грамматики научной путем четкого и методологически правильного решения спорных и сложных вопросов описательной грамматики.

Много споров вызвал доклад М. И. Стеблин-Каменского. Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР Н. С. Поспелов критиковал доклад за то, что в нем проблема грамматического значения рассматривалась в отрыве от проблемы частой речи, а также возражал против положения о прикреденности грамматического значения «к одному из отдельных», указывая, что грамматические значения абстрагируются от слов. Он отметил также, что в докладе непропорционально поставлены в один ряд знаменательные «отдельные слова» со служебными «отдельными словами», и выразил решительное несогласие с трактовкой докладчиком лексического и грамматического значений.

В. Н. Ярцева и М. С. Гурьчева указывали также на некоторую умозрительность положений доклада и возражали против утверждения докладчика о том, что грамматическое значение не может быть определено как выражение отношения между словами в предложении. Б. А. Серебренников отметил, что прежде чем говорить о разграничении лексического и грамматического значений, следовало бы устранив противоречия, имеющиеся в обычном перечне грамматических значений, который объединяет самые различные категории.

Критику положений докладчика содержали также выступления Н. А. Сыромятникова и И. Д. Дмитриева-Кельда.

В обсуждении доклада Л. А. Булаховского и небольшого сообщения И. К. Белодеда, зачитавшего текст статьи для «Истории Украины» о начале формирования специфических черт украинского языка, приняли участие ст. научн. сотрудники Института языкознания АН СССР С. С. Высотский и В. Н. Сидоров, которые отметили образцовую методику анализа материала в докладе Л. А. Булаховского и важность поднятых в нем вопросов, и зам. директора Института языкознания В. И. Бороковской, сделавший несколько замечаний по сообщению И. К. Белодеда.

Оценивая результаты заседания, акад. В. В. Виноградов указал, что коллектив Института языкознания должен сделать для себя вывод о необходимости усилить научно-исследовательскую активность тех секторов, которые занимаются изучением языков нашей страны, и координировать свою деятельность с деятельностью других языковедческих учреждений: Института славяноведения и Института востоковедения АН СССР, институтов всех наших республик и областей. Поблагодарив всех участников заседания, В. В. Виноградов подчеркнул, что заслушанные доклады отражают углубление конкретно-исторического исследования отдельных языков и групп родственных языков, и в этой связи подверг критике доклад М. И. Стеблин-Каменского за отсутствие в нем конкретного материала и всякой исторической перспективы, в результате чего докладчик, например, упустил из виду, что грамматическое значение соотносено с действительностью только через призму лексического значения.

В заключение В. В. Виноградов отметил необходимость расширения проблематики научно-исследовательской работы, указав на слабость разработки проблем сравнительно-исторического языкознания, языка и стиля художественной литературы и лексикологии, и выразил уверенность, что советские языковеды своими исследованиями по общим и конкретным вопросам языкознания покажут всему миру творческую мощь советской науки о языке и обеспечат ей первое место в мировом языкознании.

В. П. Григорьев

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ, ЛЕКСИКОГРАФИИ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ

С 18 по 23 мая 1953 г. в Институте языкознания АН СССР проходило Совещание по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии. Обсуждавшиеся на совещании вопросы вызвали большой интерес в среде советских языковедов: в работе совещания приняли участие научные работники, преподаватели, аспиранты Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик и автономных областей многонационального Советского Союза.

На пленарных заседаниях было заслушано и обсуждено 4 доклада и 4 содоклада. Интересные вопросы были подняты и обсуждены на заседаниях 7 секций: тюркской, иранской, монгольской, кавказской, финно-угорской, балтийской, украинско-белорусско-молдавской.

Во вступительном слове зам. директора Института языкознания АН СССР Б. А. С е р е б р е н и к о в сказал, что отличительной особенностью нового периода в развитии советской науки о языке, наступившего после выхода в свет работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, является решительный поворот к непосредственному изучению живых и конкретных фактов языка, его словарного состава и основного словарного фонда, его грамматического строя и внутренних законов и особенностей его исторического развития.

Практика развития языков народов СССР давно привела к постановке ряда вопросов, требующих безотлагательного решения: о принципах составления описательных грамматик, двуязычных и толковых словарей, об изучении диалектов.

Б. А. Серебренников показал, как представители «нового у ения» о языке, стремясь умалить значение грамматики, считая ее «пустой формальностью», подгоняли факты языка под стадивальные схемы, подчиняли морфологию синтаксису, беспорядочно смешивали их категории, и как эти порочные теории отразились в целом ряде описательных грамматик языков народов СССР.

После выхода в свет работ И. В. Сталина по вопросам языкознания открылись широкие возможности для создания описательных грамматик на подлинно научной основе. Чтобы осуществить это большое и важное дело, придется преодолеть немало трудностей, так как некоторые общетеоретические вопросы не получили еще своего разрешения: до сих пор ведутся споры относительно классификации частей речи в некоторых языках народов СССР, нет единого мнения в вопросе о критериях определения придаточного предложения, наблюдается разноречие в грамматической номенклатуре, много неясностей в вопросе расположения материала в грамматиках и т. п. Не получили своего теоретического разрешения вопросы лексикографии и диалектологии. Особенно остро стоят вопросы о сущности общенародного языка, об образовании национальных языков, о взаимоотношении их с местными диалектами, проблема концентрации диалектов и обогащения литературного языка за счет диалектов и т. п.

В заключение Б. А. Серебренников выразил надежду, что языковеды примут активное участие в обсуждении прочитанных на конференции докладов и в обстановке свободной борьбы мнений и творчески целеустремленной принципиальной критики помогут найти правильное решение поставленных в них вопросов.

Проблемам описательной грамматики были посвящены подготовленный коллективом старших научных сотрудников Института языкознания АН СССР—В. А. Аврориным, Р. А. Будаговым, Ю. Д. Дешериевым, Б. А. Серебренниковым, Е. И. Убрятовой и Н. Ю. Шведовой доклад на тему «Вопросы составления описательных грамматик»¹, содоклады члена-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева «Спорные вопросы описательных грамматик тюркских языков» и акад. В. В. Виноградова «Вопросы изучения словосочетания на материале русского языка».

Н. К. Д м и т р и е в указал на необходимость детального изучения и уточнения следующих спорных вопросов грамматики тюркских языков: о категориях накло-

¹ Содержание доклада см. в № 4 нашего журнала (стр. 3—21).— *Ред.*